

МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ФАКТОРЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ФЕНОМЕНОВ

Международное право, его развитие обусловлено спецификой политического и социально-экономического развития государств, необходимостью межгосударственного общения, подготовкой к войнам или необходимостью предотвращению таковых. Международное право в практическом своём воплощении восходит ещё к эпохе Античности, хотя, вероятно, что какие-то основные его параметры использовались ещё и протогосударственными образованиями. Пальма первенства в доктринальном воплощении международного права принадлежит Гуго Гроцию и Иеремию Бентаму. В общественном сознании сложился миф преклонения перед некогда совершенной доктриной, в том числе и о международном праве. Но часто блестящая, безукоризненная по форме теория оказывается сомнительной по содержанию. Международное право по самой логике его существования формировалось как особая правовая система, отличная от национальных систем (так ли это – отдельный вопрос), но в рамках данной парадигмы были определены императивные нормы права – *jus cogens*, без этого формально было невозможно установить права и обязанности субъектов правоотношений, а также принципы по которым определялось право международных договоров и внешних сношений. Это равное право для всех, но всегда ли такое получается?

В международном праве очень много неясного и не вполне соответствующего праву национальному. Не всегда понятно, что именно является императивной нормой, и как, собственно, эта норма в международном праве возникает. Давно договорились о том, что к запретительным действиям *jus cogens* относятся абсолютно явные преступления: геноцид, пиратство, работорговля, агрессивные войны,

пытки, а также незаконное выдворение. Изменить таковые нельзя ни при каких обстоятельствах, даже если каким-либо государствам захочется заключить международные договоры, блокирующие данные нормы. Кроме этих норм, в международных отношениях существует гигантское поле взаимоотношений, касающихся как публичного, так и частного права.

Проблема того, каким образом, собственно, и возникают такие нормы обусловлена спецификой взаимоотношений между различными государствами, обладающими разным могуществом. В этом смысле международное право представляется весьма запутанным явлением, которое каждый понимает так, как ему удобно.

Следует различать международное право, как некую конструктивную теоретическую сферу, в которой существуют и развиваются идеальные правовые доктрины-модели, объясняющие как следует себя вести мировому сообществу в регулировании отношений между различными государствами, и практику международного права, которая часто действует по принципу: «хотели сделать как лучше, а получилось уж как получилось». В идеале международное право – это абсолютно нейтральное место, безупречный арбитр во всех делах, на деле – это далеко не так, в силу политической ангажированности различных акторов международных отношений. На первый взгляд главное в международном правовом пространстве – это возможность и умение выработать абсолютно понятные всем общие правила, обязательную систему наказания за нарушение правил, которые должны быть неотвратимыми, но не чрезмерными. Здесь важен феномен авторитета, ибо возможности арбитража всегда соотносятся с проблемой силы, пусть даже моральной силы, традиционного влияния. Но, как известно в международных отношениях все равны, но некоторые – «равнее», следовательно, далеко не всегда в отношениях между государствами действует право, которое можно назвать именно

международным, которое в равной степени учитывает интересы всех субъектов международных отношений.

Право всегда имеет дело с субъектами правоотношений. Эти субъекты могут быть сколь угодно малыми (человек) и сколь угодно большими (государство, международная организация). Более того, эти большие субъекты могут иметь свою специфику отношений и в сфере морали, эстетики, культуре, религии. Поведение различных государств на международной арене подобно поведению людей в сфере их взаимоотношений друг с другом и, порой, на некотором бытовом уровне тип правового и культурного поведения различных государств ассоциируется с типом поведения отдельных людей по целому ряду параметров.

На самом деле, это не так уж и далеко от истины, ибо специфика основополагающей общественно-производственной технологии, геополитической ситуации, социально-экономической обстановки, общего вектора религии и культуры, факторов морали, художественной и эстетической идентичности, общего фона ментальности выстраивают весь строй жизни того или иного государства, и, в первую очередь, права.

Государства, как люди, могут симпатизировать друг другу, их союзы подчинены не только политико-экономической целесообразности, но и личными пристрастиями. Как писал Ричард Тарнас, «брак Фердинанда и Изабеллы объединил Арагон и Кастилию и от этого союза родился народ Испании»¹. Выйди замуж Изабелла за Мануэля Португальского, и вся мировая история и межгосударственные отношения могли бы получить иное направление развития. После Петра I почти все российские цесаревичи женились на принцессах из северогерманских протестантских государств в силу целого комплекса причин – что это было: ментальная общность, личная симпатия или государственный интерес?

¹ Тарнас Р. История западного мышления. М.: Крон-Пресс, 1995. С. 70.

Но здесь уже аналогии с человеческими отношениями приобретают иной смысл. Государства, страны имеют, так сказать, различную степень зрелости, степень развитости. Египтяне, китайцы, греки, римляне устанавливали отношения с варварской периферией. В Древности египтяне считали только себя исключительно цивилизованным народом. Китайцы свою страну всегда называли «Джун Го» – «серединное государство», вокруг которого жили дикие племена, благополучие которых зависело исключительно от благосклонности императора. Даже в тех случаях, когда эти дикари (монголы, маньчжуры) покоряли Китай, ситуация не менялась. Власть переходила к новой династии, и варварское происхождения Сына Неба «забывалось». Но равноправными отношения между Китаем и окружающей периферией по определению быть не могли никогда. Так же и для древних греков и римлян все окружающие их народы были варварами. Сам термин «варвары» происходит от древнегреческого «βάρβαρος», «barbaros» означал «бормочущий», т.е. чужеземец, говорящий на непонятном языке. «Варварами» у древних греков были и скифы, и германцы и даже персы, и буквально все, кто жил за пределами их мира. С этими людьми, их государствами или протогосударственными образованиями не могли быть отношения равноправных партнёров. Да и внутри самой античной Греции равноправных партнёров не было: Афины и Спарта, а затем Македония навязывали свою волю, власть и экономическое доминирование младшим партнёрам.

Русь X-XII вв. могла устанавливать отношения одного уровня с Западной Европой, отношения другого уровня – с кочевниками. Одни были выше Руси по уровню государствообразующих феноменов, другие – ниже. Но собственное внутреннее право было вынуждено обслуживать как тот, так и другой тип отношений. Внутренняя политика обуславливала и принципы внешней политики, и сам порядок взаимоотношений с соседями. Например, для Владимира Мономаха – основная идеологема и парадигма

политических отношений состояла в конфронтации с половцами, для Михаила Черниговского – в консолидации с ними. Это была одна из точек бифуркации в русском государственно-политическом и правовом развитии. Победила первая тенденция, но никто не знает, как могла сложиться история, если бы победила вторая. Европейское Средневековье – это государственная чересполосица, неопределенность правовых и политических статусов отдельных территорий, особые привилегии и статусы отдельных властителей. Это сложно и деструктивно, продолжалось вплоть до начала XX в., и в целом было преодолено. В Азии европейские державы чуть ли не насильно заставляли арабов и персов проводить границы между странами. Восточные правители правили над людьми, а пески были подобны морю, границ в них не было видно.

В отношениях между государствами, их окружением всегда присутствовали принципы иерархии, и даже при формальном соблюдении равновесных отношений, кто-то всегда доминировал экономически, политически или ментально. И Вестфальский мир, и Венский конгресс, и последующие попытки установления равного права для всех государств, демонстрировали, что при всём внешнем политесе, всё же сильная сторона всегда доминировала в установлении удобного ей формата отношений. Лига Наций пала именно из-за того, что провозглашённые ей принципы перестали соответствовать имеющейся реальности.

Современность демонстрирует примерно то же самое, и ряд государств только формально считаются полноценным партнёрами международных отношений, а на самом деле – находятся на периферии цивилизации в ранге этих самых варварских племён. Сама Организация Объединённых Наций формировалась как «структура равных». Но пять постоянных членов Совета безопасности имеют особый статус, против которого невозможно возражать в силу исторических причин и реального веса этих стран в мире. В ООН далеко не всё просто, но тенденция к поиску

формата «многополярности» в последнее время становится всё более явственной. Время доминирования «сверхдержав», как и время «однополярного» мира прошло.

Ведь именно в попытке найти общий язык со всеми обнаруживаются принципы консолидации, характерной для межгосударственного права, права равновесных отношений между государствами. Межгосударственное право фиксирует, особенно на первых этапах своего развития, один непреложный факт: одному государству по сути дела всё равно, что происходит во внутренних делах другого ровно до тех пор, пока это не затрагивает его собственные геополитические интересы, и интересы его граждан. Если таковые нарушаются, то и межгосударственное право вынуждено вступаться за подведомственные ему субъекты правоотношений.

Формат межгосударственного права – это современный формат взаимоотношений между государствами, когда большинство из них приобрело свою зримую национальную самоидентичность, позиционированную пространственно. Таким образом, правосознание межгосударственного права внутри себя, соотнесено с правосознанием субъектов внутригосударственных правоотношений – отдельных членов общества, социальных слоёв и политических партий. При этом различные внутренние политические силы могут иметь прямо противоположные взгляды по тем или иным проблемам внешней и межгосударственной политики, отстаиваемой правительством. Отметим, что, как правило, стороны выдвигают не только политические, но и обоснованные, с их точки зрения, правовые аргументы.

Современное международное право и современное межгосударственное право – даже не всегда близкие по значению понятия. Современное международное право в какой-то мере напоминает принимаемые всеми правила спортивных состязаний или ритуалы неких

церemonий, облакающих легитимацию властных отношений. Во многом международное право представляет собой «кальку» права сильного, возможно, те правила, которые были установлены в более доминантных в геополитическом аспекте странах – как некий идеал. Тем не менее, любой пробел в международном праве, например, последствия британского раздела колониальных или подмандатных территорий, или сомалийское пиратство, приводят к коллапсу. Межгосударственное право – это право взаимоотношений между близкими и дальними соседями. При возможности, оно может забегать вперёд, когда есть необходимость, возвращаться в прошлое. Развитию межгосударственного права способствует то, что цивилизованные страны и народы, вменяемые правительства заботятся о том, чтобы не принимать «однополярный» мир, чтобы установить принцип консенсуальных отношений.